

О ЧЕМ МОЛЧАТ КАМНИ.

Осень. Влажно шумят сосны в таежном разнотравии. Проселочная дорога все дальше уходит от тракта в глубину бора. Редкие машины и мотоциклы грибников на обочине уже перестали встречаться. По мшистому ковру песчаная колея, усыпанная хвоей и шишками, привела на тихую и единственную улицу родной деревушки. В доме, где живет моя старенькая мама, Анна Январьевна, нынче шумно и суетливо, пахнет свежими домашними пельменями. Мама безумолку болтает и тщательно следит за тем, чтобы праздничный стол был полон. То и дело просит нас «сползать» в погреб за квашеной капусткой, брусничным вареньем, солеными груздями. Когда мы сели все за стол, некоторое время ели молча. Мама смотрит на нас да улыбается.

– Кушай, кушайте, а я пойду пока телевизор включу для вас.

На черно-белом «Рекорде» «Поле чудес», супер-игра, и в ней разыгрывается автомобиль Жигули классику. Экран постоянно рябит, когда антенну раскачивает ночной ветер, сигнал и без того был слабый. Деревня находится далеко от цивилизации. До ближайшего асфальта километров десять и еще сотню по нему до города.

В комнате две большие кровати: одна мамина, на другой улеглись две наших дочки, так как побоялись спать на полу, вдруг мышка на них ночью прыгнет, как они сказали. А мы с женой Любаней разместились на полу, где нам уже мама

наложила всякой всячины: матрас в заплатках, перина, одеяла и две большие белые подушки.

Наконец-то все улеглись, ворочась в еще холодной постели. За окном по подоконнику капают редкие капли от дождя, которые скапливаются где-то сверху на резных наличниках, нет-нет да и затарахтит в темноте холодильник. Как вдруг всех приспичило освежиться. Погода на улице совсем испортилась. В воскресенье обратно в город ехать. «Хоть бы без дождя», – подумал я.

«Днепр», на котором мы приехали, стоит во дворике. Мотоцикл укрыл какой-то старой брезентухой, в центре которой скопилась большая лужа. Слив с нее воду, пошел спать, закрыв крылечную дверь за собой на мощный крючок.

В деревне нашей реки нет лишь ручей, который позади огородов ютится в глубоком русле. Летом его практически не видно, густая трава укрывает его от глаз, свисая над ним, но в некоторых пологих местах, где перегоняют скот, он становится чуточку шире, обнажая свою песчаную отмель. Летом ребятня строит маленькие запруды для купания, да и сам я в детстве плескался в этом ручье в таких же самодельных купелях. Большие синие стрекозы все лето кружат над этим ручьем, кузнечики наполняют луга своей трескотней и убаюкивая коз на привязи где-нибудь в тени забора. Не потому ли назвали ручей «Козьим». За ручьем, на другом берегу, лес переходит на смешанный.

Субботнее утро. Прогуливаясь с дочками по околице, зашли в перелески, где по второму разу зацвели кое-где люпины. Ночной холодный дождь оставил по жемчужинке в каждом их зеленом листке. Мы остановились у рябины,

чтобы нарвать домой нашим женщинам букет из ее ветвей с красными гроздьями.

– Ну что, может домой уже пойдём? – спрашиваю я у них. Старшая Наденька повиснула у меня на рукаве, вспомнив мое обещание показать им еще мальков в ручье и потянула туда, где через ручей был маленький мостик. Люся, подражая сестре во всем, повиснула на другой моей руке и тоже законючила, прося показать маленьких рыбочек. Куда одна, туда и вторая. Мне даже пришлось обеим купить два одинаковых мотоциклетных шлема, чтобы не ссорились между собой. Но поскольку старшей был велик даже самый малый размер шлема, то что уж говорить про младшенькую. Спасали множество шапочек и платков у них, для того чтобы шлемы не болтались на их головах. Каждую поездку в деревню мы все всегда ждали с нетерпением, как будто маленькое путешествие. Три часа занимает дорога, приходится делать остановки, чтобы размяться. Дети в коляске сидят друг за другом, младшая на полу, где я для нее сделал мягкое сидение, а старшая на кресле, укрывая себя и сестру пологом во время езды.

У ручья нас ждет необычная картина. Один из дачников, пытался проехать по трем доскам мостика на «Восходе» с маленьким прицепом «Енот», на котором вез дрова, но, не подрабсчитав свои силы, упал в воду. Конечно же он увидел нас и быстрыми шагами в перемазанных грязью сапогах, по пути вытирая их об сырую траву, подошел к нам. На вид ему лет шестьдесят, не больше. Про таких говорят, что имеет иконописную внешность, добрые и одухотворенные глаза.

– Здравствуйте, православные! – обратился он к нам, потом, наклонившись к девочкам, пожал каждой маленькие ручки, затем и со мной поздоровался за руку.

– Толик, – по-простому сказал я.

– Ручейников Архип Архипович, – по-гусарски, с улыбкой выпалил он, а потом добавил с иронией, как бы оправдываясь,

– Ручейников застрял в ручье, думал проеду тихонечко, колея прицепа то как раз уместается в ширину мостика, даже запас еще по спичечному коробку с каждой стороны, но увы...– и развел руками – вы не поможете мне, я вам буду очень признателен.

Я согласился ему помочь, дочки сразу же оживились в предвкушении чего-то интересного. Вытаскивая по отдельности прицеп, а затем мотоцикл, Архип Архипович за делом поведал, что ездил в лес за осиновыми дровами, чтобы дома дымоход в печи прочищался от сажи.

– Эх, черная душа у белой печки. Я смешиваю дрова с осиновыми паленьями, чтобы всех чертей там разогнало, – перекрестившись добавил, – Господи спаси нас.

– Да вам надо мостик тоже из осины сделать, чтобы черти вас там не подкарауливали, – пошутил я.

Сжав тонко губы, старик сделал что-то вроде легкой улыбки, да ничего не сказал. Мне показалось, что это обидело его и мысленно ругая себя за это, решил перевести разговор на другое.

– Наняли бы трактор, дров разом привезти, а то много так не навозишь.

– Понимаете, Анатолий, дело тут как раз не в количестве привезенных дров. Я всю жизнь одинок, да плюс ко всему уже на пенсии, что мне прикажете делать целыми днями? Летом ко мне приезжают студенты из города учиться живописи. А осенью, не дожидаясь первого снега, уезжаю зимовать обратно в город.

– А-а-а, – закивал я головой.

– Я все на нем вожу, и камни с гор – сказал Архип Архипович на полном серьезе. Затем он расстегнул на своей болоньевой куртке заржавевшие по краям металлические кнопки и достав из внутреннего кармана бумажник, откуда хотел, видимо, достать наличность, чтобы отблагодарить меня. Наденька встряла в разговор, ей очень стало интересно про камни с гор.

– А какие они эти камни?

На опережение я замахал руками, давая понять Архип Архипычу, что денег не надо. Старик, разрываясь на двое, пытаюсь ответить ребенку и уговорить меня взять скромный куш от него.

– Ну что с вами поделаешь, – с упреком сказал Архип Архипович, – но обещайте, что придете ко мне на чай сегодня вечером. Я вам про горы и камни расскажу. И подарю каждой по красивому камешку, – обратился он к девочкам

– Ура! – запрыгала Наденька. Люся, посмотрев на старшую сестру, тоже быстро отреагировала, повторяя все за ней, закричав ура.

К обеду распогодилось. В деревушке по-свойски, тихохонько бурлила своя жизнь. Где-то пикал маяк по радио. То тут, то

там заводили бензопилы, используя хороший денек для заготовки дров, кто-то сжигал картофельную ботву на огородах.

Нас дома уже потеряли. Мама за наше отсутствие в сених приготовила гостинцы для нас на завтра, различные соленья, варенье, мешок яблок и мешок картошки.

– Ладно, как-нибудь все растолкаю по мотоциклу, – сказал я сам себе.

Когда зашел в дом, за столом все уже обедают. Дочки с упоением рассказывают про Архипа Архиповича и про то, что он их всех позвал к себе на чай и обещал подарить какие-то камни с горных вершин. И тут они начали фантазировать и между собой делить разноцветные камешки. Наденька утвердительно сказала: «Я себе возьму зелененькие, а ты Люся возьмешь синенькие». Люся была категорически против синих в пользу зеленых. За столом стало весело от детской непринужденности, и мама поставила точку в споре, сказав: «У Архипа Архиповича ничего не просите, а то дома останетесь, нужно вести себя скромно. Посмотрите, какие продуманные.»

Вечером уже все были готовы к походу в гости к Архипу Архиповичу, но ждем, когда Люся проснется после тихого часа. Любаня наконец сказала Наденьке: «Давай, буди уже, а то что ночью она делать будет?»

В избе художника горит свет. Три окна выходящие на улицу, были в неприглядном состоянии. На простецких деревянных наличниках белая краска потрескалась и постепенно крошилась на такую же ветхую заваленку.

Крепкие столбы у ворот совершенно прогнили, ставни заросли травой. Видно, ворота забыли, когда их в последний раз открывали. Мы вошли во двор через калитку. Все кругом было заставлено мешками с яблоками, от этого даже за воротами чувствуется этот душистый аромат. От прежних хозяев ему достался яблоневый сад, дом со всеми постройками, сараями, баней, курятником, а также белые крестики, нарисованные мелом над каждой дверью.

Старый художник нас уже встречает на крыльце. Внутри его дома было тесно оттого, что все было заставлено картинами, багетами для рам, гипсовой лепниной и бюстами греческих героев, а также много еще чего интересного. У детей разбегаются глаза от всего этого. Я то и дело прошу их ничего не трогать, Архипыч, проявляя доброту душевную, просит меня им не мешать. Сервант со стеклянными дверцами и полками вместо посуды был забит книгами. Тюбики с масляной краской и кистями были разбросаны по всему дому. Но к приходу гостей, надо отдать должное, он подготовился, испек шарлотку из яблок. Единственный стол, освободив от бог есть чего, поставил по среди комнаты, застелив дорогой скатерью из шелка и расставив чайный сервиз на шесть персон.

– Прошу к столу, – сказал хозяин дома.

С мамой они уже были знакомы, и он ей, как женщине одинокой, имел неосторожность указать на почетное место посреди стола, сказав ей с улыбкой: «Oui, Oui , Annette»

Мама, растерялась и ответила ему: « Архип Архипович, вы все шутите. А мы, между прочим, тоже не с пустыми руками пришли», – и достала из сетки поднос с рыбным пирогом,

замотанный в белое полотенце. Надя и Люсенка сидели за столом, теребя под столешницей шелковую скатерть и молча ловили взгляд Архипа Архиповича, ведь им было строго наказано ничего не просить у художника. Но надежда на подарок видимо их стала покидать, когда взрослые, разговорившись за ужином, начали забывать про детей. И тут Люся, видимо не выдержав напряжения, скромно спрашивает у художника: «А камешки вы нам подарите?»

От смеха все чуть не попадали со стульев.

– Ох простите, ведь я и в правду забыл про подарки, сейчас-сейчас мои хорошие, – обращаясь именно к девочкам, достал две малахитовые гальки. В каждой было отверстие природного происхождения. Вручил их Наде и Люсе и рассказал про эти камни одну историю.

– Один я сам нашел на Урале в одной из пещер, тысячу лет капля пробивала отверстие в этом камешке, а он лежал и не двигался, пока я его не взял к себе в карман. А второй мне мой студент подарил, когда узнал, что у меня такой же есть, хотел для меня приятное сделать, ведь знал, что я такие вещи коллекционирую.

Я про себя отметил, что девочки зеленый камень и хотели, вот совпадение. Поблагодарив его, мы засобирались, стало уже поздно. На прощанье Архип Архипович нам сказал: «Ох, беседку то я вам свою не показал.» Я предложил сходить с фонариком в сад, где стояла беседка, но старик замахал рукой и сказал, что вы так ничего не поймете.

– Приходите завтра, когда будет светло.

– А мы завтра в путь дорогу, – сказал я.

– Жаль, очень жаль, – с досадой ответил Архипыч. – Вот, возьмите на память от меня тогда один подарочек еще, картину с моим мотоциклом. Небольшая картина была уже приготовлена до нашего прихода, аккуратно завернута в газеты. Мы распрощались и пошли по темной улице обратно домой.

Ночью вышел покурить, ясно светят звезды, был отчетливо виден млечный путь и я про себя подумал: «Может завтра с самого утра рвануть домой, пока дождя нет?» Не накурившись, закурил тут же вторую сигарету и взгляд упал на подарок, завернутый в газету, вечером мы его забыли в сенях. «Даже не распечатали» – с неким призранием к себе уже вслух сказал. Когда я тихонько разорвал газетную обертку, то на картине мотоцикла не обнаружил, только красивый горный пейзаж, красной полоской еще невзошедшее солнце окрасило линии горизонта. Но мотоцикла на ней не было. «Может картину перепутал», – подумал я, хотя в нижнем углу был его автограф и надпись «На долгую память о субботнем спасении». Картина была действительно обжигающе красива. Что хотел этим сказать старик – загадка.

– Ты бы хоть ночью не курил, а то дышать невозможно. Самому хорошо, а про других не думаете, – спросонья рассерженно сказала Любаня, когда я снова лег в постель. Она всегда меня называет на вы, удивительная девушка и жена. Поворчала немного да снова обняла.

Рано утром в окно тревожно постучала мамина соседка.

– Что такое случилось?! – сказала мама и, наспех одевшись, вышла во двор впустить соседку. Весть о том, что ночью умер

от сердечного приступа Архип Архипович быстро облетела деревню.

Эпилог

Яблоневый сад Архип Архиповича занимал около сорока соток земли, он собственно и купил из-за этого этот дом с садом. В центре сада сквозь поредевшие ветви деревьев и толстые стволы старых яблонь виднелась белоснежная беседка овальной формы, пять на два с половиной метра, которую он построил собственными руками. Летом его студенты срисовывали ее, учась графической перспективе и передачи свето-тени. Беседка могла бы стать украшением ландшафта любого королевского дворца. Снаружи двенадцать вытянутых окон и остекленных двустворчатых дверей полуциркульной формы, к которым подходили три полукруглых ступени с двумя приплюснутыми вазонами у входа. Над верхним карнизом у входа имелся аттик со скульптурами по бокам и гербовым картушем по середине. Окна на фасаде разделялись пилястрами, венчающиеся капителями с пышным кантом, коринфского архитектурного ордера. Вальмовая крыша из шамотной черепицы с черными прожилками. Анатолий стоял на ступеньках этой беседки, под ногами хрустели опавшие листья яблонь, теперь некому будет их подметать. Внутри этой белоснежной красоты стоял грязный мотоцикл с прицепом. Это был гараж...